

Первый том: Школьное шоу фейерверков, признание старшеклассника в любви под покровом ночи привлекает всеобщее внимание.

— Драгоценный братец Дуань, на что это ты смотришь?

Увлечённо так пялишься.

— Ли Суй, ты меня напугал. С чего это ты вдруг бесшумно объявился у меня за спиной?!

Средняя школа Юйцин (третья неделя после начала занятий в сентябре, вечер).

В этот момент весь кампус погрузился в безмятежную тишину, которую нарушало лишь редкое щебетание птиц на раскидистых деревьях возле учебного корпуса. Однако в классе три второго года старшей школы стоял невообразимый шум и гам, едва ли не оглушавший людей. Особенно сильно кипел от гнева и вот-вот готов был взорваться староста по дисциплине — Лу Минчэн.

Он обменялся взглядом с сидевшим по центру второго ряда заместителем старосты Вэнь Тао, после чего с грохотом хлопнул ладонью по столу и поднялся. В его глазах читались злость и нетерпение, а сам он громко рявкнул:

— Вы, несколько человек на задних партах, совсем от скуки маетесь? Снова захотели схватить дисциплинарное взыскание?

Услышав угрозу Лу Минчэна, сидевший на галёрке парень презрительно усмехнулся, а затем спокойно ответил:

— Почему это ты цепляешься только ко мне, а на остальных, кто тоже болтает, ноль внимания? Староста по дисциплине!

В его тоне отчётливо слышался вызов.

Глядя на это пренебрежительное выражение лица, Лу Минчэн невольно подумал про себя: «До чего же шумно. Эти парни на задней парте пришли в школу просто штаны просиживать, учёба их вообще не волнует. Каждый день только и делают, что глотку драть в классе, мешая остальным ребятам учиться».

«К тому же эти типы вечно шепчутся на уроках, дурачатся и балуются, а кое-кто даже в мобильные игры рубится, совершенно не считаясь с чувствами окружающих».

«Если я не стану их унимать, боюсь, бардак станет только хуже, и в конце концов мне самому влетит».

«Но стоит мне взяться за этих смутьянов, как они наверняка откажутся меня слушаться и лишь проникнутся ко мне антипатией и раздражением. Так я не только не решу проблему, но и сделаю только хуже».

«Эх! Если толком не наведу порядок, Ли Лися снова начнет меня отчитывать».

При этой мысли Лу Минчэн почувствовал приступ беспомощности и досады.

Однако в этот самый момент сидевший на втором ряду заместитель старосты Вэнь Тао, видя состояние своего хорошего приятеля и верного соратника, вслед за ним вскочил из-за парты и

гневно прикрикнул:

— Вы что, совсем страх потеряли? Забыли, что в задней части класса камера висит?

— Вдруг... учительница Ли сейчас смотрит видеонаблюдение из класса? Разве вы, болтуны и те, кто творит бесчинства на этой вечерней самоподготовке, снова не схлопочете взыскание?

При этих словах шумный класс мгновенно (хотя и ненадолго, всего на мгновение) затих. Все разом обернулись на Вэнь Тао с удивлёнными лицами.

Кое-кто из парней и девчонок окончательно прикусил языки, но нашлись и те, кто тут же принялся вполголоса ворчать:

— Эх, и правда, забыли про неё. Вечно язык за зубами удержать не можем, что же делать-то?

А другие шептали:

— Сдается мне, только что Лу Минчэн ломался тут перед заместителем старосты Вэнь Тао, будто на сцене играет.

Лу Минчэн не обращал внимания на эти разговоры. Увидев, что в классе стало относительно тихо, он поднялся и вышел из кабинета. Однако в этот самый момент он нос к носу столкнулся с учительницей Ван, которая как раз возвращалась, чтобы вести урок.

Ван Цзин окинула Лу Минчэна озадаченным взглядом и мягко спросила:

— Лу Минчэн, что с тобой? Время вечерней самоподготовки, почему ты вышел?

Услышав этот ласковый вопрос, Лу Минчэн смущённо улыбнулся и неловко пояснил:

— Учительница Ван, я тут наводил порядок с дисциплиной и не совладал с эмоциями, но теперь уже успокоился. Извините ради бога!

Учительница Ван снисходительно улыбнулась и утешила его:

— Ничего страшного, иди обратно, приходи в себя. Через пару минут у нас будет небольшой тест по аудированию на английском, сходи предупреди ребят, пусть готовятся.

—

Второй год старшей школы, класс три. В этот момент учительница английского стояла на возвышении перед доской, с суровым выражением лица оглядывая учеников внизу. На ходу поправив закреплённый на ухе микрофон, она чуть громче обычного произнесла:

— Дорогие ученики, давайте на сегодняшней вечерней самоподготовке устроим небольшой тест по английскому аудированию!

Услышав это, некоторые ученики просто лишились дар речи — те самые ребята, у которых вечно хромало языковое чутьё или не хватало словарного запаса.

При этих словах на их лицах застыло выражение беспомощности, а руки нехотя потянулись за тетрадями для тестирования. Сидевший рядом с Дуань Цинъюем Ли Суй подождал, пока

учительница английского отвредётся к доске, и озадаченно спросил:

— Братец Дуань, с чего это ты совсем не паникуешь? Выглядишь таким невозмутимым и спокойным, неужели думаешь, что с лёгкой победой вернешься с этого задания?

Дуань Цинъюй был в защитной маске с принтом, но в его глазах промелькивала уверенность. Тихонько пробормотав себе под нос, он ответил:

— Хм, я уверен, что не ошибусь, по крайней мере, больше чем в трёх местах.

Спустя пятнадцать минут аудирования ученики принялись сверять ответы, и на лицах некоторых проступили глубокая печаль и уныние.

— Ох, почему у меня столько ошибок?! — тихонько простонал парень с небольшим шрамом на лице. Стоящая за его спиной девушка посмотрела на него и невольно тихонько рассмеялась:

— Хорошо, что я ошиблась меньше всех, всего шесть ошибок. Только вот обидно за один кусок аудирования: я не расслышала одно английское слово и ответила неверно, до чего же досадно!

Говоря это, она покачала головой.

Однако Дуань Цинъюй не стал присоединяться к их обсуждению и лишь молча смотрел на правильные ответы в своих руках и те, что отметил сам.

В его глазах промелькнула радость, и про себя он подумал:

— В этот раз у меня на две ошибки меньше, чем в прошлый. Похоже, терпеливо слушать объяснения учителя и его методы изучения английского действительно полезно.

...

В этот же момент сидевший рядом с Дуань Цинъюем Ли Суй преисполнился глубочайшего сожаления. Он невольно схватился за волосы, с отчаянием на лице посмотрел на Дуань Цинъюя и медленно произвел:

— Брат Дуань, ну как всегда ты! Кстати, как ты можешь быть таким крутым?

В отличие от меня, я целыми днями занимаюсь зубрежкой, а по аудированию на английском набираю едва ли больше десятка баллов. Брат Дуань, неужели ты думаешь, что я такой тупой?

Дуань Цинъюй уже собирался утешить его, но тут неожиданно прозвенел звонок с урока.

После урока Дуань Цинъюй, как обычно, вышел из класса на коридор и молча встал, подставляя лицо дуновению легкого ветерка. Он слегка прищурился, наслаждаясь царившими вокруг покоем и уютом.

Некоторые из одноклассников, завидев его в таком виде, не удержались от мысленных

насмешек:

— Ну и странный же тип. С самого начала первого класса и до начала второго этот парень всё время носит маску, а круглый год не расстается с шарфом. Неужели на его лице есть что-то такое, чего нельзя никому показывать?

Произнося это, они бросали на Дуань Цинъюя косые взгляды.

Однако Дуань Цинъюй не принимал эти сплетни близко к сердцу. Он знал: что бы ни думали окружающие, пока сохраняешь душевное спокойствие и твердость, сможешь пройти свой собственный путь. Поэтому на его лице по-прежнему сохранялось водная гладь спокойствия, и он продолжил погружаться в собственный мир.

Коридор у классной комнаты 3-го класса второго года обучения.

В этот момент в коридоре толпился не один лишь Дуань Цинъюй — там находились и другие ученики.

В углу коридора внезапно заблестели крошечные огоньки, а следом один за другим поплыли кольца дыма. Какая-то девушка осторожно пряталась в уголке и украдкой курила. Быть может, она делала это, чтобы казаться круче, или чтобы снять напряжение от тяжелой учебы, а может, решила закурить ради того, чтобы влиться в какую-нибудь из школьных компаний. Однако она даже не подозревала, что ее поведение уже привлекло к себе чужое внимание. В этот момент классный руководитель, учительница Ли, вышла из учительской и медленно направилась к Дуань Цинъюю. Она наклонилась к его уху и тихо спросила:

— Цинъюнь, скажи, ты только что не видел, как кто-то из девочек из нашего класса курил?

На лице Дуань Цинъюя застыло выражение недоумения и растерянности, он совершенно не знал, как ответить на этот вопрос. Он хотел было заговорить, но испугался, что из-за этого инцидента некоторые люди начнут плести интриги на пустом месте.

Ему пришлось попытаться замять разговор:

— Учительница Ли, вы ведь так долго шли сюда, разве сами ничего не заметили?

Он надеялся таким способом избежать лишних хлопот и недоразумений. Учитель Ли посмотрела на этот вид Дуань Цинъюй, который никак не решался заговорить, с досадой похлопала его по плечу, а затем со строгим выражением лица вошла в класс. В этот момент курящая в углу коридора девушка уже затаила на Дуань Цинъюй смертную обиду.

После того как прозвенел звонок на урок, учитель Ли не стала сразу начинать занятие. Постояв немного молча у кафедры, она с натянутой улыбкой произнесла:

— Скажите, дорогие ученики, как вы считаете, должны ли мы сегодня провести урок или

лучше заранее устроить классный час на следующую неделю? Услышав эти странные слова учителя Ли, некоторые ученики в зале озадаченно переглянулись и ответили: Конечно, можно, учитель. Но нашлись и те, кто мысленно облегченно вздохнул: На этом классном часу снова удастся побездельничать! Только вот мне совсем не улыбается выступать и развлекать всех, словно цирковая мартышка. А потом, после пения или чтения стихов, еще и выслушивать насмешки за спиной от всяких скучающих типов, терпеть их клевету и пародии. До чего же эти люди бывают невыносимо занудными!

Действительно, прошло чуть больше десяти минут, и классный час начался. Учитель Ли, стоявший на возвышении с мягкой улыбкой на лице, доброжелательно поинтересовался: Шла уже третья неделя семестра, интересно, найдется ли среди вас кто-нибудь, кто добровольно выйдет на сцену и порадует нас выступлением?

Услышав это, некоторые ученики испуганно зашептались: Да кто же посмеет выйти? Разве что старосты класса или учебные старосты. Учитель Ли большой шутник, умеет же сказать.

Один из парней, слушая речь учителя Ли, невольно подумал про себя: В самом выступлении нет ничего плохого, но вот после него находятся те самые скучающие личности, которые начинают ехидно высмеивать чужое пение или чтение.

А сами-то? Только и делают, что примыкают к той кучке круглых дураков и злодеев, которые и за спиной, и в лицо, открыто и исподтишка, начинают тебя прессинговать и внушать, будто ты занимаешься всякой бесполезной ерундой, а успеваемости все равно не прибавляется — и какой от этого толк? Разве этим сыт будешь? Или это поможет гарантированно поступить в университет?

—.....

Тем временем сидевший в зале Дуань Цинъюй преспокойно уплетал небольшие закуски и фрукты, лежавшие на его парте, двигаясь с изяществом настоящего аристократа. Однако сидевший рядом с ним Ли Суй украдкой наклонился к самому его уху и с тревожным видом прошептал: Цинъюй, как ты вообще можешь сейчас думать о еде! Дуань Цинъюй слегка нахмурил брови и озадаченно спросил:

— Мм, в чём дело? Неужели за моей спиной снова какие-то пустые люди судачат обо мне?

Услышав это, Ли Суй слегка кивнул, и в его глазах промелькнула тень тревоги. Понизив голос, он ответил:

— Да уж, братец Дуань. В классе всегда находятся праздные люди, которым нравится сплетничать о тех из нас, кто держится обособленно от остальных. И знаешь что, братец Дуань, сплетничают не только о тебе — достаётся и мне, и нескольким другим девчонкам, нас тоже полощут за глаза и поливают грязью.

Услышав это, Дуань Цинъюй слегка приподнял уголки губ, обнажив презрительную усмешку. Он равнодушно произнес:

— Ох, правда? Пусть болтают, мне всё равно всё равно.

С этими словами он продолжил с элегантным видом наслаждаться лакомством, что было у него в руках.

Глядя на совершенно невозмутимое выражение лица Дуань Цинъюя, Ли Суй невольно проникся к нему некоторым восхищением. Однако Ли Суй не ведал, что душа Дуань Цинъюя давным-давно истязана до состояния сплошных рубцов и ран. Порой он казался совершенно равнодушным к чужим мнениям, сосредоточившись исключительно на собственных делах. Но на самом деле эта показная беспечность была лишь одной из масок самого Дуань Цинъюя. Быть может, тот лучезарный и уверенный в себе мальчик из детского сада давным-давно растерял весь свой свет и радостный блеск в глазах — всему виной были страшный шрам на лице, а также те добрые или полные злобы взгляды окружающих.

В раннем детстве Дуань Цинъюй никак не мог взять в толк, почему на вид совершенно безобидные дети порой говорят такие слова и совершают такие поступки, в которые просто невозможно поверить: ведь им всего-то по семь-восемь лет от роду.

Неужели всё из-за этого шрама на моём лице, из-за которого я кажусь им не таким, как все, похожим на маленького монстра? Неужели они просто боятся меня?

.....

Точно так же...

В детстве Дуань Цинъюй никак не мог понять, в чём же он провинился. Почему он постоянно становился жертвой мелких пакостей со стороны местных заводил — то его ранец куда-нибудь спрячут, то украдкой разорвут заботливо сделанную домашнюю работу. Он искренне не понимал, чем же он в конце концов насолил этим детским авторитетам?

—————

И всё же Ли Суй не удержался от предостережения:

— Братец Дуань, пусть тебе и всё равно, но порой эти сплетни доставляют нам лишние хлопоты. Например, те праздные типы могут нарочно цепляться к нам или портить нашу репутацию в классе. Так что нам всё-таки стоит быть поосторожнее.

Дуань Цинъюй кивнул, показывая, что понимает беспокойство Ли Суя. Однако он по-прежнему твердо заявил:

— Не переживай, Ли Суй, я знаю, как поступить. Нам вовсе не обязательно обращать внимание на этих праздных пустозвонов.

— Достаточно оставаться самими собой и иметь чистую совесть, тогда и бояться их пустых разговоров не придется.

— А что до тех, кто ищет неприятностей — пусть только попробуют прийти, я с удовольствием посмотрю, на что они способны.

Услышав это, Ли Суй поймал себя на том, что в его глазах мелькнуло уважение. Ему казалось, будто он видит перед собой Дуань Цинъюя — человека с невероятно сильным характером и уверенностью в себе, которого не так-то просто поколебать внешним помехам.

Тогда он больше ничего не стал говорить, лишь молча кивнул в знак поддержки решения

Дуань Цинъюя.

Они оба на мгновение замолчали, а затем принялись обсуждать другие темы, мгновенно выбросив из головы недавнее неприятное ощущение.

— В конце концов, в жизни есть столько прекрасного, на чём стоит сосредоточиться, и совсем не обязательно тратить нервы на незнакомых людей и пустяки.

Что?! — с удивлением подумал Дуань Цинъюй. Он-то еще допускал, что может стать объектом сплетен или изоляции, но никак не ожидал, что частота пересудов о нем окажется выше, чем о ком бы то ни было другом.

Он невольно мысленно вздохнул:

— И правда, рыбак рыбака видит издалека, а подобное тянется к подобному.

Всего-то простейший иероглиф «человек»,

Который пишется всего двумя чертами.

И ведь находятся же те, кто сполна оправдывает это звание.

Хотя он сам и находился в подобной среде, ему удавалось сохранять относительную чистоту и благородство.

Но на деле избежать влияния окружающих все равно было невозможно. Именно поэтому последнее время он старался по возможности свести к минимуму свое присутствие в классе. И все же, несмотря на это, полностью оградить себя от тайных пересудов скучающих празднцев ему так и не удалось.

В этот момент выражение лица учительницы Ли за кафедрой стало крайне странным. Помолчав немного, она с ноткой беспомощности в голосе спросила:

— Неужели действительно не найдется никого, кто добровольно выйдет на сцену выступить?

Как раз в тот момент, когда все погрузилось в молчание, из зала неожиданно раздался звонкий голос:

— Я выступлю!

Все разом подняли головы и увидели, что одна из учениц уверенно подняла руку.

Эту девушку звали Чжу Юэшэн. Улыбаясь, она поднялась на подиум, взяла у Чжан Сяюя микрофон, и в ее глазах сиял свет уверенности.

Затем уголки ее губ слегка приподнялись, обнажив две очаровательные ямочки на щеках, и она серьезно обратилась к учительнице Ли:

— Учительница Ли, пожалуйста, позвольте мне попробовать!

Едва замолкли ее слова, как среди сидевших внизу началось легкое оживление:

— Вау, да это же моя богиня! Прошло уже три недели с начала семестра, и она наконец-то снова заговорила перед всем классом.

— Точно-точно! В прошлый раз я передавал любовное письмо для ребят из второго класса, так студентка Чжу Юэшэн даже брать его не стала, вот же холодная недотрога.

— Но погодите, а что она будет показывать? Петь? Или читать стихи, или еще что? Как же интересно!

Впрочем, некоторые девочки в зале недовольно заворчали:

— Посмотрите на этих парней, они прямо из себя выпрыгивают. Подумаешь, переводная ученица из Шэньяна! Что, она учится лучше нас? Эти мальчишки что, отроду женщин не видели? Чего так воодушевляться...

Тем временем стоявшая на сцене Чжу Юэшэн, похоже, почувствовала чью-то неприязнь, но лишь легко кашлянула, а затем отчетливо и твердо произвела учительнице:

— Учительница, можно я прочту ту поэму в прозе из учебника по китайскому языку для первого полугодия десятого класса?

— Конечно можно, ученица Чжу.

С этими словами учительница Ли отпила глотку чая и улыбнулась.

На Чжу Юэшэн в тот момент были надеты черное пальто-ветровка, белой кашемировый джемпер под ним и черные спортивные кроссовки, а ее распущенные длинные волосы были забраны высоко в конский хвост. Еще раз прочистив горло, она с чувством и полной уверенностью продекламировала:

Стоя на краю земли, воспеваю во весь голос

(Из первого тома Собрания сочинений Го Можо. Литературный раздел)

Автор: господин Го Можо

Бесчисленные белые облака бушуют в небесах,

О-о, какое величественное зрелище Северного Ледовитого океана!

Бескрайний Тихий океан собирает всю свою мощь, чтобы сдвинуть с места Землю.

О-о, передо мной катятся бушующие валы!

О-о, непрерывное разрушение, непрерывное созидание, непрерывное стремление вперед!

О-о, сила, о, сила!

Живопись силы, танец силы, музыка силы, поэзия силы, звукоряд силы!

.....

Звукоряд (люйлю) — древний инструмент для настройки лада, изготавливавшийся из бамбуковых или металлических трубок; высота звука определялась длиной трубки, в дальнейшем термин стал общим названием музыкальных ладов.

Наступил вечер. Прозвенел звонок с вечерней самоподготовки, и ученики гурьбой повалили из класса, наполняя кампус расслабленной и радостной атмосферой. Однако в дальнем углу спортплощадки выделялась одна фигура в медицинской маске с принтом. Это был Дуань Цинъюй: он был полностью поглощен разминкой, словно готовясь к предстоящей ночной пробежке.

Закончив тянуться, Дуань Цинъюй ступил на беговую дорожку, и его легкие шаги сопровождались дуновением ветерка, ласкавшего его прекрасные пряди. В этот миг он словно перенесся в безмятежный мир, где существовали лишь он сам и этот просторный стадион. Каждый шаг приносил чувство освобождения, позволяя забыть об усталости и напряжении прошедшего дня.

Однако, преодолев большую часть круга, он вдруг резко остановился. Его взгляд устремился в темный угол неподалеку: там, судя по всему, пряталась парочка влюбленных, которые целовались. Щеки Дуань Цинъюя мгновенно вспыхнули, а сердце заколотилось. Он смущенно отвернулся, пытаясь вернуть мысли к бегу, но ноги отчего-то начали путаться.

В этот самый момент произошло непредвиденное. Обувь Дуань Цинъюя зацепилась за незаметную сухую ветку, он потерял равновесие и тяжело рухнул на дорожку.

В то же время Ли Суй, который неподалеку из последних сил подтягивался на перекладине, заметил случившееся, и его сердце испуганно ёкнуло. Он тут же бросил снаряд и помчался к Дуань Цинъюю.

— Братец Дуань! — с тревожным криком бросился он к другу, надеясь привести его в чувство.
— Очнись же! Не пугай меня...

В голосе Ли Суй звучали подлинные страх и беспокойство.

Дуань Цинъюй медленно поднялся на ноги, а на его губах играла легкая улыбка:

— Ничего страшного, просто оступился и упал, немного больно, только и всего. Впрочем, сейчас уже намного лучше, спасибо, что переживаешь.

Его взгляд переметнулся на Ли Суй, и в глазах мелькнула благодарность.

Ли Суй торопливо замахал руками:

— Братец Дуань, что за глупости ты говоришь! Мы же соседи по комнате, должны помогать друг другу. Конечно я испугался, когда ты упал.

— К тому же, ты вечно ходишь сам по себе, вот мне и хотелось побыть с тобой рядом, поболтать.

С этими словами он смущенно поскрёб затылок.

Дуань Цинъюй с улыбкой кивнул:

— Да, ты прав. Иногда в одиночку и вправду тоскливо, здорово, когда есть компания. Обещаю, впредь я буду чаще общаться с вами.

Услышав это, Ли Суй просиял:

— Здорово! Братец Дуань, тогда с этого дня будем вместе обедать, учиться и гулять. Если тебя что-то тревожит, можешь смело мне рассказывать.

Глядя на сосредоточенное лицо Ли Суя, Дуань Цинъюй почувствовал, как в груди разливается тепло. Этот малый, хоть порой и бывал проказником, обладал на редкость добрым сердцем. С улыбкой он ответил:

— Хорошо, договорились.

Они переглянулись и улыбнулись друг другу, словно разом забыв обо всех заботах.

Тем временем центр спортплощадки напоминал мощный магнит, притянувший к себе целую толпу народу. Чем это они там занимаются? В душе Дуань Цинъюй шевельнулось любопытство. Заметив его праздный интерес, Ли Суй не удержался от тихого смеха:

— Эй, братец Дуань, похоже, там старшеклассники кому-то в любви признаются, хочешь глянуть?

— Признаются? — в глазах Дуань Цинъюй промелькнуло любопытство.

— Ладно, давай взглянем, много времени это не займет.

Атмосфера в самом центре поля была насквозь пропитана романтическим напряжением: изящный парень с короткой стрижкой стоял на одном колене перед той, по кому сох, и, собирая всю волю в кулак, залившись краской и запинаясь, выговаривал:

— Ли Лэся... я... я так сильно люблю тебя, ты... ты не согласишься стать моей девушкой?

А стоявшая напротив Ли Лэся окинула его взглядом, полным брезгливости, с нетерпением отбросила назад букет гипсофилы, что держала в руках, и молча зашагала прочь, оставив парня по имени Гу Цинли в полном отчаянии и жгучем стыде.

<http://bllate.org/book/21728/2245454>